

Алистер Маклин

Полярный конвой (фрагмент)

*За мной, друзья! Еще не поздно Открыть совсем иные берега.
Взмахните веслами, ударьте по волнам Громокипящим; ибо мой
удел (Пока я жив, плыть прямо на закат, Туда, где звезды плещут
в океане. Быть может, нас поглотит бездна вод, На Остров
Счастья выбросит, быть может, Где доблестный Ахилл вновь
встретит нас... Не все утрачено, пускай утрат не счесть; Пусть
мы не те, и не вернуть тех дней, Когда весь мир лежал у наших
ног; Пускай померк под натиском судьбы Огонь сердец, (все тот
же наш завет: Бороться и искать, найти и не сдаваться!*

Перевод И. Куберского

Гизеле посвящается

*Выражаю признательность моему старшему брату Айану Л.
Маклину, капитану-наставнику, за советы и помощь в создании
этой книги. Во избежание недоразумений следует отметить, что
не существует никакой связи между крейсером британского
военно-морского флота "Улисс", о котором повествуется в
романе, и переоборудованным недавно во фрегат одноименным
эскадренным миноносцем класса "Ольстер", который был введен в
строй в начале 1944 года, приблизительно двенадцать месяцев
спустя после описываемых в романе событий. Ни одно из судов,
находившихся в Скапа-Флоу или участвовавших в конвое, не имеет
никакого отношения к кораблям с таким же названием, которые
действовали прежде или находятся в настоящее время в составе
королевского флота.*

Глава 1

Воскресенье пополудни

Неторопливым жестом Старр вдавил тлеющий конец сигареты
в пепельницу.

"Сколько решимости и непреклонности в этом жесте", - подумал командир "Улисса" капитан первого ранга Вэллери. Он знал, что теперь произойдет, и пронзительная горечь поражения заглушила тупую боль, сдавливавшую его лоб все эти дни. Но на один лишь миг. Вэллери устал до такой степени, что ничто его больше не трогало.

- Сожалею, джентльмены, искренне сожалею, - едва улыбнулся тонкими губами Старр. - Позвольте вас уверить, в сложившихся обстоятельствах адмиралтейство приняло правильное и оправданное решение. Однако ваше... э-э-э... нежелание понять нашу точку зрения прискорбно.

Помолчав, он протянул свой платиновый портсигар поочередно четверем офицерам, сидевшим за круглым столом в каюте контр-адмирала Тиндалла. Четыре головы разом качнулись из стороны в сторону, и усмешка вновь коснулась губ вице-адмирала. Достав сигарету, он сунул портсигар в нагрудный карман серого в полоску двубортного пиджака и откинулся на спинку кресла. На лице его уже не было и тени улыбки, присутствующие без труда представили более привычный их взорам блеск золотых галунов на мундире вице-адмирала Винсента Старра, заместителя начальника штаба военно-морских сил.

- Когда я летел утром из Лондона, - продолжал он ровным голосом, - я испытывал досаду. Вот именно, досаду. Ведь я... я очень занятой человек. Первый лорд адмиралтейства, думал я, лишь отнимает у меня время. И не только у меня, но и у себя самого. Придется перед ним извиниться. Сэр Хэмфри был прав. Как всегда...

В напряженной тишине послышался щелчок зажигалки. Облокотясь о стол, Старр вполголоса продолжал:

- Давайте будем до конца откровенны, господа. У меня были все основания рассчитывать на вашу поддержку, и я намеревался как можно скорее разобраться в этом инциденте. Я сказал: инцидент? - усмехнулся он криво. Сказано слишком слабо. Скорее, мятеж, господа, государственная измена. Вряд ли нужно объяснять, что сие значит. И что же я слышу? - Он обвел взглядом сидящих за столом. - Офицеры флота его величества, флагман в их числе, сочувствуют мятежному экипажу!

"Тут он перегибает, - устало подумал Вэллери. - Хочет нас спровоцировать". Слова и тон, каким они были произнесены, подразумевали вопрос, вызов, на который надо было ответить.

Но ответа не последовало. Все четверо казались апатичными, равнодушными ко всему и до странного похожими друг на друга. Лица моряков были угрюмы и неподвижны, изрезаны глубокими складками, но глаза смотрели спокойно.

- Вы не разделяете моего убеждения, господа? - не повышая голоса, продолжал Старр. - Находите мой выбор эпитетов слишком... э-э-э... резким? - Он откинулся назад. - Гм... "мятеж". - Медленно, словно смакуя, он произнес это слово, сжав губы, снова обвел взором сидящих за столом. Действительно, слово не очень-то благозвучно, не так ли, господа? Вы бы дали этому другое определение, не правда ли?

Покачав головой, Старр наклонился и разгладил пальцами лежавший перед ним листок.

- *"Вернулись после рейда на Лофотенские острова, - читал он шифровку.*

15.45 - Прошли боновые заграждения. 16.10 - Закончен осмотр машин. 16.30 Производится погрузка провианта и снаряжения из лихтеров, ошвартовавшихся лагом. 16.30 - Смешанная группа матросов и кочегаров отряжена для погрузки бочек со смазочными материалами. 16.50 - Командиру корабля доложено о том, что кочегары отказались выполнить приказание поочередно главстаршины Хартли, старшины котельных машинистов Гендри, инженер-лейтенанта Грайрсона и, наконец, старшего инженер-механика. Зачинщиками, предположительно, являются кочегары Райли и Петерсон. 17.05 - Отказ выполнить распоряжение командира корабля. 17.15 - Во время выполнения служебных обязанностей подверглись нападению начальник караула и дежурный унтер-офицер". - Старр поднял глаза.

- Каких именно обязанностей? При попытке арестовать зачинщиков? Вэллери молча кивнул.

- *"17.15 - Палубная команда прекратила работу, очевидно, из солидарности. Никаких насильственных действий не предпринято. 17.25 - Обращение командира по корабельной трансляционной сети. Предупреждение о возможных последствиях. Приказ*

возобновить работы. Приказ не выполнен. 17.30 Радиogramма командующему на борту "Герцога Кемберлендского" с просьбой о помощи".

- Старр снова поднял голову, холодно взглянул на Вэллери.

- Кстати, зачем вы обращались к адмиралу? Разве ваши морские пехотинцы...

- Это было мое распоряжение, - резко оборвал его Тиндалл. - Неужели бы я приказал своим морским пехотинцам выступить против людей, с которыми они прослужили два с половиной года? Исключено! На моем корабле, адмирал Старр, грызни между экипажем и морской пехотой нет и в помине. Они слишком много пережили вместе... Во всяком случае, - прибавил он сухо, - вполне вероятно, что морские пехотинцы отказались бы выполнить подобный приказ. Не забывайте, что если бы мы использовали против экипажа своих солдат морской пехоты и те усмирили бы этот... э... бунт, то "Улисс" перестал бы существовать как боевая единица.

Пристально поглядев на контр-адмирала Тиндалла, Старр снова уткнулся в записи.

- "18.30 - С "Кемберленда" отряжена штурмовая группа морской пехоты. Никакого сопротивления ей не было оказано. Попытка арестовать шестерых бунтовщиков и восьмерых подозреваемых зачинщиков. Яростное сопротивление со стороны кочегаров и палубной команды, ожесточенные стычки на кормовой палубе, в кочегарском кубрике и в кубрике машинистов, продолжавшиеся до 19.00. Огнестрельное оружие не применялось, но двое убито, шестеро тяжело ранено, 35...40 человек получили менее тяжелые ранения".

Старр замолчал и в сердцах скомкал бумагу,

- Знаете, джентльмены, а, пожалуй, вы правы. - В голосе его прозвучала издевка. - "Бунт" - вряд ли подходящее определение. Пятьдесят убитых и раненых... "Ожесточенная схватка" - будет гораздо ближе к истине.

Но ни слова, ни резкость тона, ни убийственная ирония не произвели никакого впечатления. Все четверо офицеров "Улисса" сидели неподвижно, с выражением полнейшего безразличия.

Вице-адмирал Старр нахмурился.

- Боюсь, господа, у вас несколько искаженное представление о случившемся. Вы пробыли здесь долго, а изоляция искажает суть вещей. Следует ли напоминать вам, старшим офицерам, о том, что в военное время личные чувства, испытания и невзгоды не значат ничего? Флот, отечество - вот что всегда и везде должно быть на первом месте.

Стуча кулаком по столу, он как бы усиливал значимость своих слов.

- Боже правый! - продолжал Старр. - Решаются судьбы мира, а вы, господа, заняты своими эгоистическими мелкими заботами!

Тэрнер, старший офицер крейсера, сардонически усмехнулся про себя. Красиво говоришь, старина Винсент. Правда, напоминает мелодраму викторианских времен: стискивать зубы - вот это уже ни к чему. Жаль, что старик не член парламента, - любое правительство оторвало бы его с руками. "А вдруг старина говорит все это на полном серьезе?" - промелькнуло в голове у старпома.

- Зачинщики будут арестованы и понесут наказание. Суровое наказание. Голос адмирала звучал резко и угрожающе. - Что касается рандеву с Четырнадцатой эскадрой авианосцев, оно состоится в Датском проливе как условлено, в 10.30, но в среду, а не во вторник. Мы радировали в Галифакс и задержали отплытие кораблей. Вы выйдете в море завтра в шесть ноль-ноль.

Взглянув на контр-адмирала Тиндалла, Старр добавил:

- Прошу немедленно довести это до сведения всех кораблей, находящихся у вас под началом, адмирал. Тиндалл (весь флот знал его по кличке Фермер Джайлс) промолчал. Его румяное лицо - обычно веселое, в улыбчивых морщинах - было мрачно и сосредоточено. Прикрытые тяжелыми веками, встревоженные глаза его впились в каперанга Вэллери. Дьявольски трудно сейчас этому доброму, душевному человеку, подумал Тиндалл. Но лицо Вэллери, изможденное и усталое лицо аскета и молчальника, было непроницаемо. Тиндалл молча Выбраннылся.

- В сущности, господа, - как ни в чем не бывало продолжал вице-адмирал, говорить больше не о чем. Не стану заверять, что вам предстоит увеселительная прогулка. Сами знаете, что случилось с последними тремя крупными конвоями Пи-Кью-17, Эф-Ар-71 и 74. Эффективных способов защиты от акустических торпед и

планирующих бомб мы еще не разработали. Кроме того, по агентурным данным из Бремена и Киля (и это подтверждается последними событиями в Атлантике) новейшая тактика немецких подводников - нападение на корабли эскорта... Возможно, вас выручит погода.

"Ах ты, мстительный старый черт, - лениво подумал Тиндалл. - Давай, давай, потешь себя, будь ты неладен".

- Рискуя показаться старомодным и мелодраматичным... - Старр нетерпеливо ждал, пока у Тэрнера прекратится приступ кашля, - ...можно сказать, что "Улисс" предоставляется возможность... э... искупить свою вину.

Вице-адмирал отодвинул стул.

- После этого, господа, - Средиземное. Но прежде всего - эскортирование конвоя Эф-Ар-77 в Мурманск, и этому не помешает никто - ни черт, ни дьявол. - На последнем слове голос его сорвался, сквозь глянец вежливости проступили грубость и резкость. - Пусть экипаж "Улисса" зарубит себе на носу: непослушания, пренебрежения долгом, организованного бунта и смуты командование не потерпит!

- Чепуха!

Старр откинулся назад, костяшки пальцев, вцепившихся в подлокотники кресла, побелели. Взгляд его хлыстом прошелся по лицам и остановился на Бруксе - начальнике корабельной медицинской службы, на его ярко-голубых глазах, в которых светилась странная враждебность, - глазах, глядевших из-под великолепной седой гривы.

Тиндалл тоже увидел гневный взор старого доктора. Заметил, как побагровело лицо Брукса, и неслышно простонал. Знакомые симптомы. Сейчас старый Сократ покажет свой ирландский характер. Тиндалл открыл было рот, но, заметив нетерпеливый жест Старра, откинулся на спинку стула.

- Что вы сказали, командер? - спокойным голосом спросил вице-адмирал. - Чепуха! - отчетливо повторил Брукс.

- Чепуха. Вот что я сказал. "Будем вполне откровенны", говорите вы. Что же, сэр, будем откровенны. Какое тут к черту "пренебрежение долгом, организованный бунт и подстрекательство"? Понимаю, вам нужно найти какое-то

определение всему этому, по возможности, наиболее вам понятное. Вчерашнее столкновение вы ловко приноравливаете к своему опыту.

Брукс помолчал. В наступившей тишине послышалась пронзительная трель боцманской дудки. Видно, с проходящего корабля.

- Скажите, адмирал Старр, - продолжал он невозмутимо, - неужели мы должны по средневековому обычаю; плетями изгонять из грешника дух безумия? А может быть, следует утопить его? Вы, верно, также считаете, что месяц-другой карцера - лучшее лекарство от туберкулеза?

- О чем вы говорите, Брукс? Объясните, ради Бога. "Карцер, плети"? Что вы плетете? Извольте объясниться! - нетерпеливо забарабанил пальцами по столу Старр. Брови его высоко поднялись, лоб наморщился. - Надеюсь, Брукс, сказал он елейным тоном, - вы извинитесь за эту вашу... э... дерзость.

- Я уверен, командер Брукс не имел намерения дерзить вам, - проговорил до этого молчавший Вэллери, командир "Улисса". - Он лишь имел в виду...

- Позвольте мне, господин капитан первого ранга, самому решать, кто что имеет в виду. Я вполне в состоянии это сделать. - Старр натянуто улыбнулся.

- Что ж, продолжайте, Брукс.

Брукс внимательно посмотрел на вице-адмирала.

- Извинитесь, вы говорите? - Он устало улыбнулся. - Не знаю, сэр, сумею ли я это сделать.

Тон и смысл сказанного задела Старра, и он побагровел.

- Однако объясниться попытаюсь, - продолжал Брукс. - Возможно, это принесет некоторую пользу.

Несколько секунд он молчал, положив локти на стол и запустив пальцы в густую серебристую гриву. Потом вскинул голову.

- Когда вы в последний раз ходили в море, адмирал Старр?

- В море? - спросил, нахмурясь, Старр. - А что вам за дело и какое это имеет отношение к нашему разговору? - прибавил он неприязненно.

- Самое прямое, - резко возразил Брукс. - Прошу вас, адмирал, ответить на мой вопрос.

- Полагаю, вам хорошо известно, - ровным голосом произнес Старр, - что с начала войны я служу в штабе флота. На что вы намекаете?

- Ни на что я не намекаю. Ваша личная честность и храбрость общеизвестны. Я лишь выясняю факт. Я военно-морской врач, адмирал Старр, - придвинулся ближе к столу Брукс. - Уже тридцать лет. - С этими словами Брукс улыбнулся. - Возможно, я не ахти какой специалист. Возможно, я плохо изучил последние достижения в области медицины. Но зато я хорошо изучил природу человека (сейчас не время для излишней скромности), работу человеческого мозга, имею представление о тончайшей взаимосвязи между разумом и телом человека. Вы сказали: "Изоляция искажает суть вещей". Изоляция означает обособленность, отрешенность от мира, и вы отчасти правы. Однако - и это главное, сэр, - надо иметь в виду, что существует несколько миров. Северные моря, Арктика, походы в Россию в условиях полной светомаскировки - это совсем иной мир, мир, совершенно не похожий на ваш. Вы даже не можете себе представить, каков он, этот мир. В сущности, вы совершенно изолированы от мира, в котором мы живем, сэр.

Старр хмыкнул (звук этот обозначал не то гнев, не то насмешку) у прокашлялся, чтобы что-то возразить, но Брукс не дал ему открыть рта.

- Здешние условия беспрецедентны, их нельзя сравнить ни с чем ранее известным в истории войн. Полярные конвои, сэр, это явление абсолютно новое, совершенно незнакомое человеческому опыту.

Внезапно умолкнув, Брукс посмотрел сквозь толстое стекло иллюминатора.

На стальную поверхность моря, на мрачные скалы Скапа-Фэюу, окружавшие рейд, падали хлопья мокрого снега. Все молчали. Но командер Брукс еще не закончил: чтобы собраться с мыслями, уставшему нужно время.

- Разумеется, человечество может приспособиться и приспособливается к новым условиям, - негромко, словно

размышляя вслух, говорил Брукс. - Для того чтобы выжить, человечеству приходится приспособливаться в течение многих тысячелетий. Но для этого нужно время, господа, очень много времени. И естественные перемены, происходившие в течение двадцати веков, невозможно втиснуть в какие-то два года. Ни разум, ни тело человека не выдержат этого. Гибкость, невероятная прочность человеческого организма таковы, что в течение весьма непродолжительных отрезков времени он может выдерживать такие перегрузки. Однако потом предел выносливости, граница терпения наступает очень быстро. Стоит заставить людей переступить этот предел, и может произойти все что угодно. Неизвестно, какие формы может принять срыв, но он обязательно наступает. Он может иметь физический, умственный, духовный характер - какой именно, не знаю. Но я знаю одно, адмирал Старр: экипаж "Улисса" достиг предела терпения.

- То, что вы говорите, весьма любопытно, командер. - Голос Старра прозвучал сухо. - Любопытно и поучительно.. К сожалению, ваша гипотеза, а это не что иное, как гипотеза, - не выдерживает критики.

Брукс пристально глядел на адмирала.

- На этот счет, сэр, не может быть двух мнений.

- Ерунда, милейший, самая настоящая ерунда. - Сердитое лицо Старра стало жестким. - Факт остается фактом. Ваши же рассуждения никуда не годятся. Подавшись вперед, он указательным пальцем как бы подчеркивал каждое сказанное им слово. - Разницы, о которой вы твердите, - различия между конвоями, направляющимися в Россию, и обычными морскими операциями просто не существует. Можете ли вы мне указать на какой-то фактор, на какие-то условия плавания в здешних северных водах, которых нет в других морях? Можете, командер Брукс?

- Нет, сэр, не могу. - Брукс был невозмутим. - Но я могу указать на факт, о котором весьма часто забывают. На тот факт, что количественные изменения могут оказаться гораздо значительнее, чем качественные, и могут иметь далеко идущие последствия. Позвольте объяснить, что я имею в виду. Страх может убить человека. Не станем закрывать глаза, страх - естественное чувство. Но, пожалуй, нигде матросы не испытывают страх так остро и в

течение столь продолжительного периода, как во время полярных конвоев. Нервное напряжение, постоянные перегрузки могут убить любого. Подобное я наблюдал очень часто. Когда же вы находитесь во взвинченном до предела состоянии подчас семнадцать суток подряд, когда вы ежедневно видите изуродованные, гибнущие корабли, моряков, тонущих у вас на глазах, и знаете, что в любую минуту то же самое может случиться и с вами... Мы ведь люди, а не машины... Тогда-то и возникает опасность срыва. И срыв происходит. Адмиралу, очевидно, небезызвестно, что после двух последних походов девятнадцать офицеров и матросов пришлось отправить в лечебницу для душевнобольных.

Брукс поднялся. Опершись крупными, сильными пальцами о полированную поверхность стола, Брукс впился взглядом в глаза Старра.

- Голод подрывает жизнеспособность человека, адмирал Старр. Подтачивает его силы, замедляет реакции, убивает волю к борьбе, даже волю к жизни. Вы удивлены, адмирал Старр? А между тем это неизбежно. Вы продолжаете посылать нас в конвой, когда сезон прошел, когда ночь едва длиннее дня, когда из двадцати четырех часов в сутки двадцать часов стоят на вахте или боевых постах. Как же нам не голодать после этого? Откуда нам быть сытыми, черт возьми, - ударил ладонью по столу старый врач, - если корабельные коки почти все время работают в пороховых погребах, обслуживают оружейные расчеты или участвуют в аварийных партиях? Лишь пекаря и мясника не посылают на боевые посты. Поэтому мы целыми неделями на одной лишь сухомятке! - едва не сплюнул от возмущения Брукс.

"Молодец, старина, - обрадованно подумал Тэрнер, - задай ему жару".

Тиндалл тоже кивал головой в знак одобрения. Лишь Вэллери было не по себе - не из-за того, что именно говорил Брукс, а оттого, что говорил об этом не тот, кому следует. Ведь командир корабля он, Вэллери. Он и должен держать ответ; -

Страх, нервное напряжение, голод. - Голос Брукса звучал теперь совсем негромко. - Эти три фактора надламывают человека, они столь же губительны, как огонь, железо, чума. Это убийцы, не знающие пощады. Но это еще цветочки, адмирал Старр. Это лишь

оруженосцы, как бы предвестники Трех апокалипсических всадников, имена коих - Холод, Недосыпание, Истощение.

Вы представляете себе, что это такое - оказаться февральской ночью где-то между Ян-Майеном и островом Медвежий, адмирал? Разумеется, не представляете. Представляете, что это такое, когда температура окружающей среды шестьдесят градусов мороза¹ и все же вода не замерзает. А каково приходится морякам, когда с полюса, со стороны ледового щита Гренландии с воем мчится студеный ветер и точно скальпель впивается в тело, пронизывая насквозь самую плотную ткань? Когда на палубе скопилось пятьсот тонн льда, когда пять минут без перчаток обозначают обморожение, когда брызги, вылетающие из-под форштевня, замерзают на лету и бьют вас в лицо? Когда даже батарея карманного фонаря садится из-за лютой стужи? Представляете? Слова Брукса были тяжелы, как удары молота.

- А вы знаете, что это такое, когда несколько недель подряд спишь два-три часа в сутки? Вам знакомо такое ощущение, адмирал Старр? Когда каждый нерв вашего тела, каждая клеточка мозга перенапряжены до крайности и вы чувствуете, что находитесь у черты безумия? Знакомо вам это чувство? Это самая утонченная пытка на свете. Вы готовы предать своих друзей, близких, готовы душу бессмертную отдать ради благодатной возможности закрыть глаза и послать все к черту. И потом - переутомление, адмирал Старр. Ужасная усталость, что ни на минуту не отпускает вас. Отчасти это результат стужи, отчасти недосыпания, отчасти - постоянных штормов. Вы сами знаете, как изнуряет человека пребывание на раскачивающейся вдоль и поперек палубе корабля в течение хотя бы нескольких часов. Нашим же морякам приходится выносить качку месяцами, ведь штормы в арктических водах - вещь обыкновенная. Могу назвать десяток-два стариков, которым и двадцати лет не исполнилось.

Отодвинув стул, Брукс принялся расхаживать по каюте. Тиндалл и Тэрнер переглянулись, потом повернулись к Вэллери. Тот сидел, понуро опустив плечи, и невидящим взглядом

¹ По Фаренгейту, соответствует -32 °С. (Прим. переводчика.)

рассматривал свои соединенные в замок руки, лежащие на столе. Казалось, Старр для них сейчас вовсе не существовал.

- Заколдованный круг, - проговорил Брукс, прислонясь к переборке. Заложив руки в карманы, отсутствующим взглядом он смотрел в запотевший иллюминатор. - Чем больше недосыпаешь, тем больше чувствуешь усталость; чем больше утомляешься, тем сильнее страдаешь от стужи. И в довершение всего - постоянное чувство голода и адское напряжение. Все направлено к тому, чтобы сломить человека, уничтожить его физически и духовно, сделать его беспомощным перед болезнью. Да, адмирал, я сказал: "перед болезнью". Брукс улыбнулся, посмотрел в лицо Старру, но улыбка его была невеселой. Если набить людей как сельдей в бочку, неделями не выпускать их из нижних палуб, то каков будет исход? Исходом будет туберкулез. Это неизбежно. Брукс пожал плечами. - Пока я изолировал лишь несколько человек, но я точно знаю, что в нижних помещениях корабля туберкулез легких со дня на день перейдет в открытую форму. Зловещие симптомы я заметил еще несколько месяцев назад. Я не раз докладывал начальнику медицинской службы флота. Дважды подавал рапорт в адмиралтейство. Мне выражали сочувствие, но и только. Дескать, кораблей, людей не хватает... Последние сто суток привели к срыву, сэр. А почва подготавливалась месяцами. Сто суток настоящего ада, и за все это время ни одного увольнения на берег, хотя бы на сутки. Было лишь два захода в порт - для погрузки боеприпасов. Топливо и провизию получали с авианосцев - прямо в море. И каждый день - долгий, как вечность, - голод, холод, опасности, страдания. Боже правый! - почти выкрикнул Брукс. - Ведь мы же не машины! - Оттолкнувшись от переборки, по-прежнему не вынимая рук из карманов, Брукс шагнул к Старру.

- Мне не хотелось говорить об этом при командире корабля, но каждому офицеру "Улисса" - за исключением каперанга Вэллери - известно, что экипаж корабля давно бы взбунтовался, как вы говорите, если бы не капитан первого ранга Вэллери. Такой преданности экипажа своему командиру, такого обожания, чуть ли не идолопоклонства, мне никогда еще не приходилось встречать, адмирал Старр.

Контр-адмирал Тиндалл и Тэрнер закивали одобрительно. Вэллери по-прежнему сидел неподвижно.

- Но всему есть предел. Случилось то, что должно было случиться. И теперь вы толкуете о наказании этих людей. Господи, да с таким же успехом можно повесить человека за то, что у него проказа, или отправить в карцер за то, что у него появились чирьи. - Брукс печально покачал головой. - Наши моряки виновны не более. Люди ничего не могли с собой поделаться. Они уже не в состоянии разумно мыслить. Им нужна передышка, покой, несколько благословенных дней отдыха. На него они готовы променять все блага мира. Неужели же вы этого не понимаете, адмирал Старр?

С полминуты в адмиральской каюте стояла полная тишина. Слышен был лишь тонкий, пронзительный вой ветра да стук града. Встав, Старр потянулся за перчатками. Подняв на него глаза, Вэллери понял, что Бруксу не удалось ничего доказать.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
 - в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.
- Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.